

(Читано в Петербургском Доме Искусств на вечере, посвященном памяти И.Ф. Анненского, 14 декабря 1921 г.)

Оригинал здесь: [О стихах и поэтах.](#)

I

Хорошим поэтом, мастером, с некоторых пор почитается у нас тот, кто умеет наиболее цельно, отчетливо, определенно "выразить" или "выявить" себя. Что же касается того, что именно "выявляется", какое "я" выражается в этом "себя", -- такой вопрос чаще всего не подымается вовсе. Он не в моде. В лучшем случае требуют, чтобы это поэтическое "я" было "оригинально", то есть не похоже на другие, так сказать -- соседние "я". В конечном счете это есть следствие грубого, механического отсечения формы от содержания, причем все внимание ценителя обращено на форму.

Мне доводилось слышать немало восторженных суждений о поэзии Анненского. Но чем восторженней были поклонники почившего поэта, тем больше говорили они о форме его поэзии, тем меньше -- об ее смысле. Будучи сам почитателем Анненского, я не возражал против самых высоких оценок. Но, слушая, отчетливо ощущал их односторонность. Говорили недоговаривая. Точнее -- молчали о самом главном.

С поклонниками Анненского слишком часто происходит то самое, что, покуда он жив был, происходило с его сослуживцами. Глядя на его форменный сюртук, говорили они почтительно: действительный статский советник. Но Анненский про себя понимал иначе: поэт. Знал, что его содержание (поэт) не равно форме (форме министерства народного просвещения). Содержание же разлагало форму, взрывало ее изнутри. В стихах Анненского всего менее можно угадать лицо директора царскосельской гимназии. Сослуживцы этого не знали.

Благополучные эстеты (парнасские сослуживцы) не видят, что значит поэзия Анненского, -- или не хотят видеть. За его лирикой не слышат они мучительной, страшной человеческой драмы. Что и о чем говорит поэзия Анненского -- это их, в сущности, не касается. Они рукоплещут "форме". Форма у Анненского остра, выразительна, часто изысканна. Следственно, Анненский -- мастер, "ваше превосходительство" и все обстоит благополучно. Однако и здесь, как в жизни Анненского, из благополучного *как* рвется наружу неблагополучное *что*. Но эстеты верны себе. Спокойные, не омрачаемые сомнениями вивисекторы жизни (ибо поэзия -- жизнь, а поэт -- человек), они удовлетворенно констатируют, что вот у этого человека, Иннокентия Анненского, превосходнейшие голосовые связки. Реагируя на боль (которая их не касается), он проявляет все, по их мнению, необходимые качества мастера, потому что кричит чрезвычайно громко и выразительно. Но отчего он кричит -- все равно им. Что кричит -- это его частное дело, в которое они, люди прежде всего воспитанные, не вмешиваются. Так, вероятно, не вмешивались в частные дела И.Ф. Анненского его сослуживцы по министерству. Между тем -- он кричит об ужасе, нестерпимом и безысходном.

Мы поминаем сегодня не действительного статского советника (хотя бы и от литературы) -- а поэта, человека, "раба Божия". И потому скажем несколько слов об его ужасном страдании.

II

Толстовский герой Иван Ильич Головин, член судебной палаты, прожил всю жизнь совершенно прилично, как все: учился, женился, делал карьеру, рожал детей, -- и не думал о том, к чему он все это делает и чем это кончится. В особенности не думал он о конце, о смерти, даже когда заболел и слег. Только подслушав разговор жены с шурином, узнал он, что ему, Ивану Ильичу, тоже предстоит умереть,